ЮРИЙ ИВАСК

ЗОЛУШКА

МОСТЫ

Эта книга напечатана в
пятистах экземплярах в типографии

A. ROSSEELS PRINTING Co
Vaartstraat 70 3000 Louvain
☎ 016 / 219 62 - Belgium

Publisher
MOSTY New York

Северный берег: Варшава, 1938
(Священная Лира).

Царская Осень: Париж, 1953
(Рифма).

Хвала: Нью-Иорк, 1967
(Виктор Камкин).

ЮРИЙ ИВАСК

ЗОЛУШКА

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
МОСТЫ
НЬЮ-ИОРК 1970

З О Л У Ш К А

Полость треплется, дева-птица:
Визг полозьев — гайда, Марица !
Стоп . . . бежит с фонарем гайдук . . .
Вот какое твое домовье:
Свет мадонны у изголовья
И подкова хранит порог . . .

Кузмин
Форель разбивает лед

I

Это масленица России,
Умолкает Иеремия
У своей роковой реки.
Понесла воздушная тройка,
Ты лицо свое приоткрой-ка,
Залюбуются дураки.

Замарашка, прачка, царица,
Разрумянена, серебрится,
И накинуты соболя.
(Отчего же мы бы нищи,
Нищи-мощны целую тыщу,
Огурцы слезами соля).

Пахнет яблоками морозец,
А царица: — Ну, мой народец,
— Всю неделю запрету нет.
— Я на масленой суматошна,
— Легкомысленна, рококошна,
— Подписуюсь *Елисавет*.

Но прощеное воскресенье,
Добровольное помраченье,
И загробный колокол: ббомм !
А царица уже черница,
Ей и плакать, ей и молиться,
Больше радоваться потом.

Иерей на амвоне, белый,
И ее невесомо тело,
Ты лилея и ты сестра.
Вы спасеные, дети, братья,
И струится белое платье,
И венчаться давно пора !

II

Из Четырнадцатого века
Моего Феофана Грека
Острокрылый ангел-огонь.
Повеление: брови-стрелы,
Я, несмелый, с тобою смелый,
Опали и лоб, и ладонь.

Ты не бойся Святого Духа,
Время — выжившая старуха,
Смерти нету, а что же есть ?
Что угодно — кашка — ромашка,
И застиранная рубашка,
Ветерок откуда невесть.

Золоченые злые пчелы
И лианами ивы долу,
А лягушки свое: ква-ква !
Не останется пены-праха,
Ни последнего оха-аха,
Дымка видимая едва.

Из какой, я не знаю, Леты,
Простоватое наше лето,
Те же ситцевые цветы,
Золотые репы Сиона
И на гребне красного звона
Ты ли, Золушка, ты ли, ты ?

Заклинания или вздохи,
Со стола упавшие крохи,
Скудной радости медяки
Обернутся радостью новой,
И мое владычное слово
Пролепечете, земляки.

Опустился огнеглашатай,
Опаливший, но тароватый:
— Вы построили новый Сион
Не из ясписа, сердолика,
Из чего угодно, из вики
И репья созидался он.

III

Испытание: наша школа,
Поначалу шипы, уколы,
А не бойтеся, школяры.
Открываю карты заране:
Добровольные каторжане,
Эй, вы, ну-ка, в тартарары!

Чтобы знали бичи Аушвица
(Никогда бы не повториться
Бухенвальду и Соловкам!):
Дальше что̀: конечно, солдаты,
Дисциплиной донельзя сжаты,
Думы, души даже, по швам.

После логика и аорист,
Оды Пиндаровы, напорист
Книгочий семнадцати лет.
Он и эллин, он и схоластик,
Нарисуете: головастик,
Если вылепите: атлет.

Воробьиною ночью бденье,
До утра загробное пенье,
Сизый медленный древний дым,
И зевота, и откровенье,
Свет оттуда: преображенье,
Пламя белое, серафим.

В эпилоге: раздумье-роздых
И осенний колючий воздух,
У костра веселый ночлег.
Золоченые искры, взоры,
Те же русские разговоры
« Есть ли Бог ? » и « чтó человек ? »

Наворочено дико-ловко,
Не погладили по головке,
Кутерьма, толкотня, возня.
Исихаст одерни Спартанца,
Достоевский Пиндара, танцы
Антитезисов у ~~костра.~~ огня

Незнакомые миру лица,
Ваше дело на что решиться,
А владейте сами собой !
Не юла, разгильдяй несносен . . .
Надо, чтобы поздняя осень
Окликала ранней весной.

IV

Отложили бумаги, книги,
Заковали себя в вериги,
Подымаемся на столпы.
Воля духу — неволя плоти,
И уже вы кровушку пьете
Вошки-блошки-крошки-клопы.

Потасовка резвого грома,
Но зато со звездами дома
Суток этак до сорока.
Дионисия серафимы,
Херувимы пели, незримы,
И былинка-душа легка.

Опускаемся: каждый странник,
Он Утѐшителя избранник,
Шалопай, юла, егоза.
Он с приятелями гуляет,
И танцует, и исцеляет,
Русый, дымчатые глаза.

Несерьезный юноша: *третий,*
У него побочные дети,
Трын-трава, сорви-голова.
Раеутренний: *третий.* Крылья:
Что охапка ландышей-лилий,
Понимаете ли: едва...

Декабрь 1968 — январь 1969

Узнаю Иерусалима
Розоватые башни-дымы,
Слышу: Пушкин и Мандельштам.
Слышу Хёрберта, Хёльдерлина,
Полигимнии именины
И творимый звуками храм.

Зашумело море Омира
И уединенная лира
Застонала: Сапфо, Катулл.
Псалмопевца гудите гусли,
Все языци, Римы ли, Русь ли,
Отзываются: дальний гул.

Январь 1969

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ АННЫ АХМАТОВОЙ

Из Тринадцатого, седого
И веселого года слово
Будто масленичная весть.
Повесть-совесть о том, что было:
Что знобило и что казнило,
Выживало и в памяти есть.

Серебрятся милые лица,
Бедный братец и ты сестрица,
Запрокинутая ладонь.
У Невы Венеция снится,
Те же бражники и блудницы
Будто бабочки на огонь.

Сразу свадебно, похоронно,
А кончается речью тронной,
Ясно видно во все концы,
И сполна уплочено кровью,
Озаряемые любовью
Эти венчики и венцы.

И победную песнь поюще,
Прославляюще райские кущи,
Отпущаеще ныне рабу.
Я не вижу ее в гробу.

Декабрь 1968

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

...основание первое — яспис.
Откр., 21, 19.

Пахнуло ли рыбами, розами:
Наверное Бриндизи, юг.
Весной — резедовыми грозами,
Зимой — мандаринами вдруг.

Мочеными льнами, осенними,
А издали будто бы: Псков.
Сухими листками, последними,
Заутра я знаю: Покров.

И сразу прослойками есписа
Украсится Новый Сион.
Алмазами за̀уми-росписи
Засветится, радуя, он.

Они отзываются, вещи —
И пре-образуются Им.
Иной, — о, не лучше, но чище —
Красуйся, Ие-русалим.

Апрель 1968

З А́ У М Ь

Наши бедные милые радости,
Ну, хотя бы грибочки, огурчики,
Все такое-сякое, не редкости,
Что манило, маяча-играючи:

Пчелы, бабочки, девочки, мальчики
И мои одуванчики-венчики,
Мне годами знакомые — издавна,
Наяву и сегодня, но издали

Обернутся, уже откликаются
Незнакомой нечаянной радостью:
За промытой озоном околицей
Чайной розой, укропом и радугой,

Затихая небесными гласными,
Околесицей за́уми — рая ли ?
Поздней осенью, мнится, под ясенем
Изумленно глаза протираю я.

Март 1968

МИЛОСТЫНЯ

Руки Бедности, губы Радости,
Милостыню подайте, милостыню
        Ангелу голубому,
Чтобы с неба, сияя радугой,
Дару персти и праха радовался
        Малому моему.

Нá тебе булку, чаю, песенку,
        Липовую дуду,
По веревочной шаткой лесенке
        На небеса взойду.

Слышу: бедной земной мелодией
        Голубой Гавриил
Рае-розовые угодия,
        Радуя, огласил.

Пасха 1968

АКРОБАТ

По лесенке, по канату,
А ниже бедный Воронеж *,
Помолимся мы за брата,
Такого Ты не уронишь.

Я вижу в небе прореху —
Синит акробата синька,
Просунуло руку эхо,
Осанна уже осанка.

Канат образует угол,
А истина мира — сфера,
И с ангелами он ангел,
Уже поэзия мера.

Январь 1968

---

*Воронеж Мандельштама.

А — А — А

Пересуды в раю и сплетни,
Свахи, сволочи, суета.
Но и тихие вздохи лютни,
Еле шепчущие уста.

Карнавалы, даже дуэли
И, наверное, бой быков.
Алый клен, осенние дали,
Еле слышный шорох шагов. *

Все убитые воскресали
Для другой роковой игры.
Пили-пели на карусели,
Пели-пали в тартарары.

У́-у выли, *а-а́-а* плыли,
Уплывали в голубизну.
Золотые ангелы — вы ли,
Дальше, выше, куда же — ну!

Сентябрь 1968

* Ахматова

НА

Полной грудью — до печенки, до селезенки даже
Я вдыхаю медленный, немеренный вечный покой.
Рай голубизны-немизны, дыма, дали,
Запах опеночный, древний, родной, гнилой.

Смрад едкий, прочищающий ноздри Духу —
Долгунца Псковщины — мочимого, мучимого льна.
Полной грудью и на последях из э!-ха, а!-ха
Вечный покой, вечную память осени-просини — на́ !

Осень 1968

ФУТБОЛ

Ваньки-встаньки, ровное поле,
Эй, навытяжку и в присядку,
А ему бы, мячу — на волю:
Мчаться по небу без оглядки.

Но, увы, приземлила тяга,
Покатился, дразня, бедняга.
Ой, загонят его ногами —
Стенобитными сапогами.

Роковые они, ворота,
Зазвени, высокая нота.
Неудача или удача,
Все иначе в игре, иначе.

Февраль 1968

БАХ

Аркадию Небольсину

Что радовало, что умерло —
Не будет опять, а есть:
Оно наяву, не марево,
Аукается невесть
Откудова —
                    да оттудова
Аукается сейчас,
И, отзвуками орудуя —
Оно из нас и для нас
Струится водами многими —
Огромный хлынувший Бах —
За скалами, за порогами,
На воле, на небесах.

Високосный день 1968

МАГДАЛИНА

РАСПЯТИЕ ГРЮНЕВАЛЬДА В КОЛЬМАРЕ

Вавилонские злые великие реки,
Солью-слезами выело, смыло лицо.
Узловатые, сжатые бедные руки
Ей приказали, смерти: ну, старая — цыц !

Разверзается первоначальная бездна,
Вьется алая мантия блуда, соблазна,
Царская ныне: розовый быстрый огонь.
Мнится, не воскрес бы, если бы не она.

Ноябрь 1968

ПЕТР И ФЕВРОНИЯ

Выдался зябкий денек, осенний, последний,
Кутается душенька в голубой платок.
Имя — Феврония: стародавние бредни,
Медленно вышиваемый райский цветок.

Речи ласковые говорила намедни,
Белые лебеди окликали: сестра !
Выселки Мурома, и у ранней обедни
Молимся за Февронию и за Петра.

Гулко празднуя горе-разлуку, победней
Закурлыкали взлетевшие журавли.
Раю машучи, издревле несся передний,
Обоняя ветви пальмовые вдали.

Ноябрь 1968

МАСЛЕНИЦА

До свиданья, мясо ! Мясо, до свиданья !
Лососинное осеннее сиянье
И стеклярус — йззелена чернь — икра.
Огненной воды чистейшая игра.

Древнерусские тропические бани.
Ново: вместе россиянки, россияне !
Дева — роза, розан, юноша — тюльпан.
Улыбается с полка Приапу Пан.

Мясо невкушаемо — совокупимо . . .
Стелятся седые космы дыма.
Завтра понедельник и свинцовый звон,
Критского Андрея медленный канон.

Май 1969

АХ, ВЫ СЕНИ...

Лодыри туда-сюда, но сони,
Суслики обсыпали меня...
Доплясаться, распевая: сени,
Ах, вы сени новые мои!
Доплясаться, голубки радений,
До седьмого пота, до седьмых
Судорог и радостей-рыданий
Рая, падая на синий мох.

До прабабушки моей синицы,
До родного ангела хочу
Доплясаться, ибо снятся-снятся
Крылья у занывшего плеча —
Из былого, из иного, ныне —
Голубого, синего из-за.
Надоели сони, няни, нюни,
Надоело и добро, и зло.

До зарезу нужно, чтобы Бахом
Пело, наполняя купола,
Разыграться бабочкам и блохам
Было где, и чтобы наплыла

Вечность... Илией июлей чтобы
Вынесло-взнесло, и шаровой
Молнией взрывались я бы, ты бы,
Радуя наперебой.

Май 1969

У МОСКОВСКОГО ГОГОЛЯ

Розовый мальчишка,
Не играешь отчего с детьми ?
Гробовая крышка
Зимним утром около восьми.

А унылый Гоголь
Горбится не зря.
Зимняя Россия — мел и уголь,
Поздно занимается заря.

Пролетела галка,
Голуби за ней.
Пышно колыханье катафалка,
Рыхловатый снег еще пышней.

Дунуло Сибирью,
Сумасшедшей ширью.
Мачтою поскрипывает ель,
Жизнью разыгралася метель.

Июль 1967

ЭММАНУИЛ

... и нарекут имя Ему: Эммануил
(с нами Бог).
Исайя, 7, 14.
Мф., 1, 23.

Минувшее вижу в щелку:
Мальчишка, знакомый, валкий —
Рысцой за взыгравшей телкой
И за упорхнувшей галкой.

Но падает — а манило,
На волю в поле взмывало...
И имя Эммануила
Свобода не называла.

Позднее: не галки — чайки,
Не телки: душки-подружки,
За недолет отвечай-ка,
Умолкла твоя кукушка.

А все же я не жалею,
На небо с поля косясь,
Земная воля милее,
Была бы с небесной связь.

Август 1967

САПОЖНИК

Все привычное, но почему же странно,
Будто натюрморты Сурбарана — сон:
На тарелке, почерневшей, оловянной,
Розовая роза, золотой лимон.

Будто бы с гравюры Дюрера повсюду
Громоздятся, тоже снятся в тишине —
Циркули, колодки, хартии, посуда
На полу, на полке, даже на окне.

Зеркало, кривое, злое, исказило
Изумленное забытое лицо:
Детские веснушки, заткнутое шило,
Четки, библия, чугунное кольцо.

Декабрь 1967

ГОСТИ

Так поставь же ему угощенье на стол.
И вина неприметно подлей.
Георгий Раевский.

Кто стучит ? — Убийца ? Обыватель ?
Дама ? Девка ? — Накрываю стол:
Ну, приятельница, ну, приятель,
С Богом, чтобы к черту не пошел,

Не пошла бы . . . Разрезаю булку,
Разливаю красное винцо.
В окна, из того же переулка,
Глянуло знакомое лицо.

Тихо плакать, громко веселиться,
Тело — тряпочка, а что́ — душа ?
Хромоножка ? Золушка ? Блудница ?
Не раздумывай, дыша-греша.

Никогда не будет легче, лучше,
Хорошо не будет на земле,
Небо синее, сияй и мучай,
Радуй и сияй — в добре и зле.

Ноябрь 1967

БЕСПРИДАННИЦА

Стародавние подмосковные —
Где же лебеди, где пруды ?
А за липами поле ровное —
Вольной воли, древней беды.

Спите в склепе князья с княгинями,
На родной-чужой стороне.
Италийское небо, синее,
Не забудете и во сне.

Я аукну в купол — Растреллиев,
И седую крысу спугну.
Пусто: внуки давно расстреляны,
Я люблю другую страну.

Голубки в беседке Венериной —
Венецейские голубки,
Те же самые — и вне времени,
Клюйте зернышки из руки.

Я заглатываю рыданьице,
Отстраняю рукою грусть,
И опять она бесприданница —
За границей — Россия — Русь.

Ноябрь 1967

ЮРОДИВЫЙ

У рябины рыдай, кукарекай,
Небеса разливаются реками,

Запоздалыми белыми бреднями
Проплывали пуховые лебеди.

Посиневшие губы искусаны,
Где вы, ангелы русые-русские ?

За горами, морями — могилами
Безымянными — милыми, милыми.

Ноябрь 1967

РИМ

Ольге Александровне Шор

1.

На форуме не вижу жизни,
Но via Appia, кладбище,
Еще вздыхает и живет,
Вольноотпущенник ушастый
И закругленная Метелла
Веселой травкой поросли.

Кто были орфики, не знаю,
Но в их базилике подземной
Таинственно-светло-легко,
И Сапфо там не умирает,
Резвятся мальчики-гимнасты,
На алтаре вино и хлеб.

Всегда притушенно-вечерне, *
Лилово-дымно, желто-рябо
И, мнится, мрамор — восковой,
Горячей верой переплавлен,
Всегда Сочельник наступает
И Тайной Вечери канун.

* Пантеон.

Еще кривляется барокко,
Гримаса ражего Нептуна,
Оскал осевшего коня
И злое фырканье фонтана,
Избыток беспокойной мощи,
Жеманный зверский выкрутас.

Тиха, мила, провинциальна
Облезлая Психея Рима,
Она мне издавна сродни —
Старушка — душка Тиберина,
У подворотни, на скамейке
Я с нею спрятался от вас.

А кто такие итальянцы ?
Герои Чехова, быть может,
Как все жалки, смешны, бедны,
И на поверку только скука ?
Где Цезарь пал, сраженный Брутом,
Вонючий маленький гараж.

Но тот же ярмарочно-звучный,
То вкрадчивый, а то бранчливый,
Проворный римский говорок,
И, вопреки слезам и скуке, —
Игра, горячка, вспышка, гений —
Слезам и скуке вопреки.

Рим, сентябрь 1966

II

ТИБУРИНА

Домов оранжевый загар...
Вячеслав Иванов

Еще существую и вижу
Платаны у Тибра и рыжий,
Облупленный римский дворец.
Бельишко еще из окошка,
Старушка со спицами, кошка,
И, значит, еще не конец.

III

ЯНИКУЛ

Я люблю восходящий куда-то
Обветшалый захватанный Рим,
Руки грязные, дряхлые — статуй,
Мелкий дождичек, пасмурный дым,
И такой он, облезлый, кудлатый,
Русской памятью нежно храним.

Рим, сентябрь 1966

ПЬЯЦЦА МАТТЕИ

Танцуют отроки на головах
Курносых чудищ, дивны их проказы.

Вячеслав Иванов
VI Римский сонет

На вонючей, тесной, невеликой
Площади, где топчется народ,
Мальчики проворной повиликой
Вьются, прикрывая водомет.

Верещите, грузные неряхи,
Сватьи-бабы жизни площадной,
Мальчики, тритоны, черепахи
Тешатся сверкающей игрой.

Плещутся — серебряные брызги,
Вдребезги разбившийся кристалл,
А на рынке раздаются визги:
Кто-то у кого-то что́ украл ?

Водомет укромный — резво-струйный,
Оросивший даже синеву.
Оттого что жадны или буйны,
Бабы или мальчики —
живу !

Февраль 1967

ПЬЕРО ДЕЛЛА ФРАНЧЕСКА

Ничего особенного: скалы,
Наскоро сколоченный навес.
И подробностей как будто мало,
Вол, осел, солома и навоз.

Пусто, голо, но высоко-звонко,
Оттого что звонок и высок
Крик новорожденного ребенка,
Здесь положенного на песок.

Звоны — тары-бары мандолины,
Дребезжите-пойте, пастухи,
Пробуждайте скудные долины
Хрипами, родные петухи.

Голубые-синие хламиды
Те же — Девы, пастухов, небес,
Тот же незначительный по виду
Наскоро сколоченный навес.

Январь 1967

ПОРТУГАЛИЯ

I. КЕЛЮЖ

Несерьезные они — португальцы...
На Бога и на смерть смотрят сквозь пальцы.

Да и все мы в Келюже немножко
Португальские бабочки-мошки.

Дворцы — вяло-розовые павильоны,
Осмьнадцатого века милые миньоны —

Медленно выгибаются в менуэте:
Боже, до чего хорошо жить на свете!

Даже у сфинксов приятные лица,
Они роскошные, рококошные львицы.

Локончики, ленточки, накинута пелеринка,
Не сфинксы — дамы с модной картинки.

Обнимая пойманную им птаху,
Амур уселся на черепаху.

Черепаха рассердилась и рот раскрыла:
Что Амуру мило, то ей немило.

Чепуха какая, но разве не потешно,
Бабочно-крылато, райски-безгрешно.

Синтра, июнь 1966

Келюж — дворец эпохи рококо. Построен для титулярного короля Педро III — мужа царствующей королевы Марии I.

II. УИЛЬЯМ БЭКФОРД

Прыть и прелесть его неуловимы,
Таланты танцора, музыканта, мима,
Бабочка, мартышка, мышка, кукушка,
Фарфоровая безделушка.
Миллионы с острова Ямайки,
Расточаемые без утайки.

Лазоревое — все то же —
Реки широкое ложе,
А далее морские дали —
За море — в Азию зазывали.
Белая башня Лиссабона,
Все улыбаются с балкона.

Его баловали португальцы,
Садились невесты за пяльцы,
Делали вид, что они марфы,
Вышивали какие-нибудь шарфы,
А монахи, забывая обеты,
Белыми винами разогреты,
Закармливали акулой с перцем,
Хотя он был иноверцем.

Благоухали сады Келюжа,
Услаждая женственного мужа.
Инфанта сказала фрейлине: — Девица,
— Если вам хочется сегодня порезвиться,
— Побегайте взапуски с сыном Альбиона:
— Кто скорее домчится до того лимона ?

Болезненный регент ему мило улыбнулся
И хотел что-то сказать, но сразу запнулся.
Во дворце безумная королева завыла:
— Везде разверзается передо мною могила !
Но, забывая ее угрозу,
Нюхает он португальскую розу.

А позднее, изменяя лени,
Он становился на колени,
Слегка перебирая четки,
Молился красивый, кроткий:
— Антоний Падуанский, милый,
— Подай на развлечения силы !

Май 1966

Уильям Бэкфорд (1760-1840), владелец плантаций на Ямайке, автор французского романа **Ватек** (переведенного на русский язык Б. К. Зайцевым), и путевых записок по Португалии. Безумная королева — Мария I. Регент — будущий король Жуану VI. Его жена — инфанта Карлота Испанская. Св. Антоний Падуанский — португалец, родился в Лиссабоне (1195-1231).

III. ТОМАР

Одна легенда Васко де Гама !
А в сумраке средневекового храма
Сирия, Византия, восковые свечи,
Мир и море, мели далече.

Гулкая призма — преддверие рая,
И роза расцвела, багряно мерцая,
Рыцарями храма роза хранима —
Иерихона-Иерусалима.

Дымно-пепельно, сине-зелено
И молиться уже не велено,
Сумерки, ранняя утреня,
Роза райскою лютнею.

Синтра, июнь 1967

В Томаре замок Храмовников.

IV. МАФРА

Ломая холеные руки,
Они умирали со скуки...
Но пусть и казенно, и скупо,
Овалом обрадует купол,
И праздничной ржавчиной ранен
Изъеденный временем камень.

— Сеньор, закусите сардинкой:
— Сегодня справляли поминки...
Какие тяжелые ноги,
И ждут погребальные дроги.
Вы прожили много ли, мало,
И солнце над вами сияло.

А в парке вопили капралы,
Водили налево-направо.
— Сеньор, иностранцу мы рады...
Давно надоели парады.
Автобусы, автомобили,
Покойника мы позабыли.

Январь 1967

Мафра — дворец короля Жуану V.
Строитель — немецкий ювелир
Людвиг, выписанный из Италии.

V. ПОХОРОНЫ В ГЕРЦОГСТВЕ ВИЗЕУ

Черная женщина гордого вида.
На голове полотняная пирамида.

За нею шествие по зеленой поляне.
В облачении рыцарей крепкие крестьяне.

Алые-белые братья-землеробы.
Кружево-клир — окружение гроба.

Деревянные лица, держатся прямо.
Засветло вырыта заступом яма.

Король — покойник, а вдова — королева.
Виноградники справа, сосны слева . . .

Живите-служите мужики-тамплиеры.
Португалия хлеба, вина и веры.

Визеу, июнь 1966

VI. ВИЗЕУ

Липой пахнуло в саду Нескушном,
К липе русские неравнодушны.

Легкая церковь — ангелы-башни,
Благословляйте пажити-пашни.

Перья зеленые винограда.
Мирно-мерные луизиады.

Церкви такие — они в изобилье,
Только у этой выросли крылья.

Что ей гранит — она воздушна,
Липой пахнуло сладостно-душной.

Визеу, июнь 1966

VII. ФАДОШ ЗА ЭШКЬЮДОШ

Господи, я не знал, до чего
Она некрасива...
Иннокентий Анненский

Из Чехова что-то: чайка
И тут же злая чахотка...

Из Анненского как будто,
Из старого быта-бреда.

Психея полуседая
И на ногу припадает.

Застиранные перчатки
И четки, черные четки.

Грошевая тряпка-блузка,
Но знает она французский.

Цветочки выцвели шарфа,
Но звон Эоловой арфы:

— Хотите спою я фадош
— И дешево, за эшкьюдош !

— *Зажглись огни Лиссабона*
— *На башне и у притона...*

— Свежа ножевая рана,
— А все же люблю Жуана!

Без голоса, некрасива,
Но все отдай за порывы,

За срывы отдай, за душу,
Душа не грошик-эшкьюдош,

А пальма, белая пава,
Колышется величаво...

Зачем же, глупая, воешь,
Ты чайкой взлети на волю!

Закатывается солнце,
Раскалывается сердце.

Февраль 1967

Fados — потругальские жестокие романсы.
Escudos — 3 американских сента.

VIII. ПОРТУГАЛЬСКИЙ ПРОЛЕТАРИЙ

До отказа беднотой набитый
Пятый заблудившийся трамвай.
Старые бухгалтеры сердиты,
А фабричный фертом:
— Эй, вставай,

— Уступи сеньоре место, малец,
А на ихнем языке — ррапаш !
Радуй пролетарий-португалец,
А придется, и по морде дашь !

Молодость, она сияла лишь бы
Радугой земной добра и зла.
Зе́лено вино и пышно Лишбу́,
Вышли у последнего угла.

Улицы узки, подъемы круты,
Рыбно-тухло, весело-легко.
Разбивайте стекла, баламуты,
И махните на меня рукой !

Февраль 1967

Lisboa — произносится Лишбу (Лижбу).
Rapaz — мальчик, парень.

ГРЕЧЕСКИЙ КОНДУКТОР

(Янина — Игуменйца)

Ты настрой, покряхтывая, лиру,
Вертится, поскрипывая, шар,
Тащится по горному Эпиру
Отягченный валкий автокар.

А кондуктор-ангел — юный Яни
Фунтики блюющим раздает.
Будто нá море-на океане
Рвет старушку и малютку рвет.

Блюй, Маланья-голова-баранья,
Яни с фунтиками тут как тут.
— Знай, земные адские страданья,
— Очищая, душу в рай ведут !

Добрый Яни сызмальства о роли
Горного кондуктора мечтал . . .
— До отказу выгребай, Маноли, —
— Мал герой, да кажется удал !

А тужурка с кантами, гербами,
Сумка переметная, свисток !
Автокар уже под небесами —
Дети, недалече рай-раёк.

Февраль 1967

ВОСКРЕСЕНИЕ В РУТЛАНДЕ

Подробности знакомы, словно
Едва растаяла свеча.
Оттенки — брюквенный, морковный
Песчаника и кирпича.

Зажги затерянный огарок —
Зажглося солнце декабря.
Лужайка райская — подарок,
Туман дымится, серебря . . .

Прошли овечьи полушубки —
Им подмигнут издалека
Растопленный камин и трубка
Полуседого старика.

Увы, брюшко, увы, одышка,
Под крышкою лежать ему.
Румяно-яблочный мальчишка
Свистит, не зная почему.

Щербатый замок на пригорке,
Уже замшевшая плита.
Воскресшему ползти из норки
Путем упрямого крота.

Нескучно-мирно, мило-кротко,
Опять листочки теребя,
По неуверенной походке
Узнаю самого себя.

Ноттингем, декабрь 1966

ФУЛЬДА

1. *У Св. Бонифация (1938)*

Я плелся, слушая ветер,
По Фульде, пó льду скользя,
И у собора под вечер
Я выбрался на сквозняк.

Святой Бонифаций вывел,
Меня к алтарю привел,
И с кафедры новый Павел,
Взрывая паству, взревел:

— Чтó *чистая раса?* — Враки
— Неистовые врагов.
— Святая она вовеки —
— Его пречистая кровь.

— Чтó Еллины ? Иудеи ?
— Любой и хорош и плох.
— Не Царство-царя содею,
— А Церковь: и с нами Бог.

II. *У Св. Михаила (1966)*

Амуры резвы у замка,
Сорвал бы аленький цветик,
По пояс осела в землю
Девятого века церковь.

Романское — красно, кругло
Европы раннее утро,
Но вымерли Каролинги,
Другие — старец и отрок.

А те же — чистая чаша
И звякнувший колокольчик,
И хлеб, и вино, и чудо,
И крылья, и крест, и венчик.

Сияя, вышли из церкви,
Амуры резвы у замка,
Не сорван аленький цветик,
Люблю я милую землю.

Июль 1967

ГОТИЧЕСКАЯ ЕВРОПА

В Стокгольме и в Лиссабоне,
В Сиене и в Барселоне
Проулки средних веков,
Проулки темно-кривые:
Извилины мозговые,
Тончайшие — городов.

Углы-ступеньки прогулок,
И к церкви каждый проулок
Выводит — и в церкви Бог.
О чем я ? — О кошках и прачках,
О пьянице, что на карачках,
Мяуканье, бульканье, вздох.

О как бы не лопнули жилки,
И все разобьются бутылки,
А кошка моя у щеки.
Ночные гулкие своды,
И ужас, и счастье свободы,
И слабые взмахи руки.

Базель-Париж
Ноябрь 1966

ОСЛО

Тамаре

Сегодня мы снова дети,
И мило самое слово:
Да будет Осло на свете,
И было на свете Осло.

Не солнце, даже не море,
Литые валы у мола,
Не идолы и не маски —
Загадки острова Пасхи . . .

Но двое, а есть и Третий !
Сияло, слепило слово:
Его повторяли дети,
Седея, играя, славя.

Январь 1968

ЕВРОПА

Ее труды, причудливые страсти,
Ее иллюзии, туманы, дым.
Европа и Евразия отчасти —
Иония и Иерусалим.

Любимы виноградарями склоны,
Но ветер ересей: порыв и взрыв.
Величие, отличие: законы
Свои — опровергала, утвердив.

Ехидничай: все разлетится прахом !
А наше небо изольется Бахом.
Уже Анджелико в ладони бьет.
Блаженные: дитя и идиот.

Мудрила-затемняла. Но сияло
Лицо Франциска — солнце у креста.
Змея свое высовывала жало
И голубки вспорхнули неспроста.

Декабрь 1969

САПФО

Карлица, карга, но медовый голос
И блаженный вздох эолийской речи.
Кипарис, анис и резвятся те же
    Жены и девы.

1966

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

Не грусти и не обманывай,
У Георгия Иванова
Никого и ничего —
То ли трели, то ли вой . . .
Что-то нудится — и нравится,
Полюби его, Красавица,
Он и волк, и соловей,
И тоску его развей . . .

Разве воля за околицей,
Поле проволокой колется.
Будто бы России нет.
Звезды, музыка, рассвет.

1968-69

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Темная птица. Парка. Весталка.
Или монашка. Или гадалка.

Руку простерла. Или крыло.
Облако мглою обволокло.

Невмоготу. Темно. Тишина.
Нà ухо мне шепнула она:

— Райские яблоки стерегу.
— Рано еще. Ау. Ни гугу.

Ноябрь 1969

ЭСТОНСКАЯ РЕЧЬ

Марии Ундер
Алексису Ранниту

Певучий, протяжный, гласный
Чудесный чудской язык.
Люблю отдаленный, ясный
Эоловой арфы звук.

Ночной, а не темный, белый,
Другого такого нет.
Мое невесомо тело,
Заумный северный свет.

Из воздуха Линданиса,
И к морю, медля, скользит.
Едва розовели выси,
Сегодня никто не спит.

И — снова, весною, гласный
Небесный слышу язык,
Лелея тишайший, ясный
Эоловой арфы звук.

Декабрь 1968

Звук öö (ночь по-эстонски).
Линданиса — древнее название Таллина.

ГЛАСНЫЕ

Пели-пели-пели,
Пили-пили-пили,
Поле-поле-поле,
Пули-пули-пули,
Пали-пали-пали.

1959

ЖИВАГО

(Из семейной хроники)

О, Живаго, мои Живаго!
Первый: при Иване стрелец.
Подбираю рифмы: отвага,
Брага, молодец-удалец.

Разжилися Живаго, дея
Славы Россиия поутру
Зелье злое противу Свеи
Нетерпеливому Петру

Городской голова Живаго,
Тароватой рукой творя
На потребу Рязани благо,
Полюбился брату царя.

И на кошт августейший сына
Взяли: имя ему Семен.
Скучноваты его картины,
Исаакий распишет он.

Засидели черные мухи
Биографии белый лист.
В Петербурге ходили слухи:
Был он будто бы адвентист.

Дочка (бабка моя) — чудачка,
И меня крестила она,
А милы ей таксы-собачки,
Кресло, круглое, у окна.

Выгибается Кривоколенный,
Тот же самый городовой,
Тот же самый благословенный
Охраняемый старый строй.

А пророчила *заворошку:*
— Санкюлот-пугачевец-вор
— Выбросит меня из окошка
— Вместе с таксиками на двор.

— Подавайте же мне карету,
— Я вернусь, наверное, в пять.
И в паноптикум раритеты
Едет осматривать опять.

1969

Злое зелье — порох.
Художник Семен Афанасьевич Живаго (1807-1863).
Кривоколенный переулок в Москве.

КРУГОЗОР

Дачка. Травка. Телячьи восторги:
Оттого что мое я не знаю
Христианское имя Георгий,
И еще я не вышел из рая.

Сколько было чистилищ и семь ли
Или более ? менее ? адов ?
Ну, а все же заморские земли
Разве не были райской наградой ?

Разве милые братья и сестры
Хороводы со мной не водили ?
И еще расстилается пестрый
Кругозор — на английские мили.

. . . .

Завизжали мучительно скрипки,
Вырывая последние зубы.
Рано: кажется мне по ошибке,
Зарыдали победные трубы.

Амхёрст, ноябрь 1969

АМХЁРСТ

Проделки увальней-морозов,
Замедленный скрипучий путь.
Блаженно-дальне-бледно-розов
Закат — и жизни не вернуть.

Но лыжи, легкие, мальчишек,
Безмолвие библиотек.
И все-таки еще излишек
Ну, духа — и пушистый снег.

Харчевня *Лорд Джеффри*

Декабрь 1969

ОГЛАВЛЕНИЕ